

Юй Цинъинь с силой оттолкнул его и вытер кровь с губ.

Он увидел, как незнакомец мягко улыбнулся — и в этой улыбке мгновенно расцвёл и увядал целый мир, заставляя цветущие деревья померкнуть.

— Ты и впрямь забыл всё, что было прежде?

Ослепительная, порочная красота, пленительный изгиб губ — казалось, в этом человеке воплотилось всё самое прекрасное и опасное, что есть в подлунном мире. Юй Цинъинь на миг опешил: расплывчатый силуэт из его снов вдруг обрел четкость, полностью совпав с тем, кто стоял перед ним. Даже фраза была той же самой.

— Ошибаетесь, любезный. О каком забвении речь, если ничего и не начиналось? Не припомню... когда это я успел задолжать такому красавцу?

Любовных походов в жизни Цинъиня хватало, но он был совершенно уверен: с этим серебряноволосым красавцем он не делил ложе ни единой ночи.

Незнакомец снова улыбнулся — лукаво, по-лисьи, словно ядовитый цветок, крадущий душу.

— Долги? Цин-Цин, между нами не просто должок, тут целая бездна невыплаченного.

От этого «Цин-Цин» у него внутри всё дрогнуло.

— Поясните, — Юй Цинъинь поправил полы одежд и качнул веером, делая вид, будто спасается от жары.

— Кто, пользуясь моей страстью, обводил учителя вокруг пальца? Неужто старший брат совсем ничего не помнит?

Обращение снова изменилось. Этот тип был переменчив, как погода в горах, но Цинъинь решительно не помнил ничего из того, о чем тот говорил.

— Ты... Яо Е?

Сто лет назад или сто лет спустя, но между Юй Цинъинем и Яо Е всегда оставались счеты, которые невозможно было свести.

— О, так ты помнишь? — в глазах мелькнула радость, хотя Яо Е явно не верил, что Цинъинь действительно восстановил память.

— Это сейчас неважно, — Цинъюнь чувствовал, как внутри закипают вопросы, а лицо Яо Е пробуждает в душе ворох ненужных, тревожных чувств. — Ты ведь... жив?

Яо Е помрачнел, его очарование сменилось холодной угрюмостью.

— Хочешь спросить, как я уцелел? — Он схватил Юй Цинъюня за руку. Хватка была стальной, никак не вяжущейся с его хрупким обликом. — То, что божественная сущность якобы развеялась — лишь уловка. Я жив. Жив, чтобы увидеть тебя.

«Значит, его душа всё это время пряталась в теле Яо Ланьмэй? Жил за её счет? Что ж, это вполне в его духе и подтверждает слова Цин Муцзэ о том, что между ними была особая связь».

Юй Цинъюнь взгляделся в серебристо-белые, словно подернутые инеем глаза Яо Е, и, поблуждав в чертогах разума, задал самый бесполезный вопрос:

— Зачем ты спас меня?

Яо Е опешил.

— А почему я должен был поступить иначе?

Он притянул Цинъюня к себе. Юй Цинъюнь замер, одеревенел, но не нашел в себе сил вырваться. Словно обрывки древних, томительных воспоминаний вновь навалились на него.

— Младшая сестренка?

Слово долго вертелось на языке, пока Цинъюнь наконец не выдохнул его.

— «Брат и сестра» — это была лишь игра для чужих глаз. Ты и впрямь позабыл, как должен меня называть.

Руки Яо Е скользнули ниже, остановившись на талии. Он вздрогнул, будто от удара током. Он вдруг вспомнил слова Ли Е: «Бывает, разум забывает, а тело помнит».

Именно это сейчас и происходило. Хотя в голове теснились лишь смутные фрагменты, тело явно отзывалось на прикосновения Яо Е. Он знал этого демона, знал его красоту, способную перевернуть мир, и, кажется, даже знал, что скрывается под его шелковыми одеждами. Цинъюнь больно ущипнул себя за руку, обрывая эти мысли. Он был уверен: попытайся он вспомнить больше, в памяти всплывут вещи, о которых говорят только за закрытыми дверями и при погашенных свечах.

— И чего же ты хочешь, явившись сюда?

Юй Цинъинь вздохнул. Он не знал, как относиться к этому человеку. Спаситель? Давний враг? Соученик?

Яо Е внимательно изучал его лицо, не пропуская ни единой черточки. Неужели небеса подарили ему, отринувшему всё, возможность снова касаться этой кожи?

— Сперва я просто заинтересовался тем Богом Фениксом, потому и согласился на предложение того парня отправиться в Пустошь Куньлунь.

Кончики пальцев Яо Е медленно поглаживали щеку Цинъиня, их тепло смешивалось.

— Ты был лишь вещью Бога Феникса, пешкой в чужой партии. Мне просто хотелось увидеть твой конец.

Прозванный Учителем «Девочкой-Фениксом»... Самец в обличье девы. Одного этого хватило, чтобы разжечь любопытство Яо Е. Как бы ни были запутаны дела минувших дней, он легко выуживал из памяти всё, что касалось Юй Цинъиня.

Когда они встретились впервые, Цинъинь спас его из жалости. Позже, когда они стали близки, Яо Е вызывал у него лишь ненависть. Так кем же они были друг другу? Никто бы не смог ответить на этот вопрос.

Юй Цинъинь наконец пересилил вспыхнувшее внутри смятение и оттолкнул руку Яо Е.

— Эти твои упоительные воспоминания... имеют ли они ко мне отношение? Можешь доказать?

Яо Е с наслаждением наблюдал за тем, как меняется выражение лица Цинъиня.

— Можешь не верить, — он отступил на шаг, увеличивая дистанцию. — Но моя жизнь по-прежнему в твоих руках.

Мягкое сияние окутало его фигуру, контуры тела начали расплываться, а голос — удаляться.

— Живи, Цин-Цин.

— Эй!

Красавец исчез, а у ног скоморошно свернулась маленькая лисица с всклокоченной шерстью. Юй Цинъинь поднял пушистый комок и несколько раз позвал Яо Ланьмэй, но та не открывала

глаз.

Раз душа Яо Е прячется в теле девочки, Юй Цинъинь, сам не зная почему, решил сохранить это в тайне. Никто не должен знать — ни Симин, ни Ли Е. Ответы, которые он искал, мог дать только Яо Е.

Вероятно, из-за того, что её тело использовал Яо Е, Ланьмэй проспала двое суток. Когда же она очнулась, Цинъинь засыпал её вопросами, но обнаружил, что девчонка ничего не помнит. Ни о чужой душе, ни о том, что её телом кто-то управлял.

Наблюдая за тем, как растёт Му Сибай, Юй Цинъинь всё чаще чувствовал тревогу. Мальчик внешне становился точной копией того, кого Цинъинь встретил когда-то, но душа его казалась всё более чужой. Тайны, окружавшие Му Сибая, заставляли Юй Цинъиня сомневаться. Когда же он наконец выдаст себя?

Прошло несколько месяцев. Му Сибай достиг совершеннолетия — пришло время церемонии надевания венца.

Рано утром Юй Цинъинь помог ему облачиться в новые одежды и с улыбкой оглядел его.

— Сегодня твой день рождения, Сибай. Нужно отпраздновать как следует.

— День рождения? — Му Сибай поправил рукава, обновка будто еще не совсем пришлась впору. — Я не знаю, когда родился.

Он замер, взгляд его на мгновение стал отсутствующим.

— Никогда не знал.

— Пустяки, у меня его тоже нет, — небрежно отозвался Юй Цинъинь. — Неважно, когда ты явился в этот мир.

Му Сибай обернулся к нему. В его глазах плескалась бездна сложных, неразрешимых чувств, а в мыслях он напрочь отверг слова Цинъиня.

«Как это — нет дня рождения? Тот день, когда ты родился „Девочкой-Фениксом“, и стал днём, который я подарил тебе».

— День нашей встречи — вот твой день рождения, — Юй Цинъинь широко улыбнулся.

На мгновение Му Сибая показало, будто время повернуло вспять, в те дни, что были тысячу

лет назад.

— Хорошо. Раз ты так решил, я принимаю это.

Ответ был странным, но Юй Цинъинь не стал заикливаться. Раз парень что-то скрывает, не стоит цепляться к деталям.

— Тогда твоя задача на сегодня... — Цинъинь вытащил из-за спины пухлый мешок и кошель с деньгами, всучив их Му Сибая. — Отправляйся на рынок! Сегодня я сам встану к плите. Гарантирую: этот обед ты не забудешь до конца жизни.

Му Сибай с сомнением взял вещи и вышел за порог. Как только он скрылся, Юй Цинъинь тут же набросился на Яо Ланьмэй, которая как раз нашла уютное солнечное местечко на траве и собиралась вздремнуть. Бедная лисица так перепугалась, что у неё шерсть встала дыбом.

— Ты... ты что творишь?! — Она отпрыгнула на три шага, глядя на него с подозрением.

С этой шальной птицей глаз да глаз нужен!

— Чего испугалась? — Цинъинь хмыкнул и присел на корточки, стараясь выглядеть дружелюбно. — Не съем я тебя. Фениксы не едят зверье.

«Разве ты не должен был сказать, что фениксы едят только семена бамбука?»

Немного успокоившись, лисичка медленно поплелась на зов. Когда расстояние сократилось, Цинъинь подхватил её под мышку.

— Слушай, — он ткнул пальцем в её пушистое белое брюшко. — Ты не чувствуешь внутри ничего... странного?

— А что я должна чувствовать?! — Ланьмэй замахала лапами, не давая ему трогать живот.

Юй Цинъинь нахмурился, удерживая её за лапы. С того дня, как явился Яо Е, прошло уже несколько месяцев, но больше вестей не было. С ним ведь всё в порядке?

— На самом деле, я видел твоего старшего брата.

Услышав это, Ланьмэй перестала брыкаться. Она посмотрела блестящими глазами, и этот жалобный, пришибленный вид лисицы заставил Цинъиня дрогнуть — в нем мгновенно пробудилось желание защитить это хрупкое существо.

— Ну, не плачь. Это же хорошие новости, твой брат жив.

— У-у-у... И где он? Я хочу его видеть! Хочу вернуться с ним в Цинцю!

— Я и сам хочу его найти, но мне нужно больше зацепок. Ты говорила, что деревья Сала в Цинцю не цвели триста лет. Это как-то связано с Яо Е?

Ланьмэй, всхлипывая, принялась рассказывать:

— Брат своими руками посадил дерево Сала у входа в пещеру, где жил. Когда он уходил из Цинцю, то наказал мне приглядывать за ним... Сказал: если с деревом что-то случится, это будет предзнаменованием.

— Предзнаменованием чего?

— Не знаю, но точно ничего хорошего. Перед тем как брат должен был пройти через испытание небес, дерево Сала сохло целое столетие.

«Похоже на дерево жизни...»

— Кто-нибудь еще знал об этом?

— Знал... — Ланьмэй затряслась, вспомнив что-то ужасное. — Один человек часто приходил к нему... Это он! Это он заставил брата идти на Пустошь Куньлунь!

Яо Е уже упоминал, что кто-то велел ему отправиться в ученики. В голове Юй Циньиня всплыл образ того таинственного мужчины в маске и с пурпурными глазами.

— Того человека звали Линья?

Ответа не последовало. Вспышка света — и лисица в руках Юй Циньиня превратилась в ослепительно красивого мужчину. Высокий, статный, но при этом совсем не похожий на мужчину, с чем-то порочно-притягательным в облике.

— Цин-Цин, какой же ты непослушный.

Яо Е устроил голову на плече Циньиня, интимно прижавшись к его груди.

Для обычного человека это было бы чересчур, но Юй Циньиня, выдавший виды в столичных заведениях, лишь внешне сохранил невозмутимость.

<http://bllate.org/book/17464/1697494>